

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

**Кампания «за советское казачество» на юге России:
ретроспективный анализ экспектаций**

Александр Павлович Скорик

Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт), Россия
доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор

Аннотация. В статье анализируется проблема восприятия казачеством Юга России комплекса проказачьих мероприятий, осуществленных партийно-советским руководством во второй половине 1930-х гг. Обосновано авторское суждение об отсутствии среди казаков единства мнений и оценок кампании «за советское казачество». Хотя преобладающая часть казачества поддержала и одобрила правительственные инициативы, немало казаков продолжали сохранять негативное отношение к советской власти и сталинскому режиму.

Ключевые слова: «ворошиловские кавалеристы», казаки, казачество, кампания «за советское казачество», колхоз, Советский Союз.

УДК
947(470.6)
"1930"

В середине 1930-х гг. наметился пересмотр тактического курса большевистской партии по отношению к казачеству, выразившийся в том, что представители власти отказались от антиказачьих акций, характерных для периода сплошной форсированной коллективизации, и объявили о превращении казаков (теперь уже «казаков-колхозников») в полноправных представителей советского общества. Нет сомнений в том, что кампания «за советское казачество», развернутая лидерами ВКП(б) и лично И.В. Сталиным с февраля 1936 г., преследовала цель улучшить непростые взаимоотношения между правящей коммунистической партией и казаками и превратить последних в верных защитников СССР. Для достижения этой цели были проведены масштабные пропагандистские акции (среди которых одной из наиболее известных является парад донцов, кубанцев и терцев в Ростове-на-Дону в марте 1936 г.), сняты ограничения с казаков на службу в Красной армии и пр.

Простой перечень мероприятий, проведенных в рамках кампании «за советское казачество», убедительно свидетельствует о том, что партийно-советские чиновники не жалели усилий в процессе ее реализации. При этом, естественно, возникает вопрос о том, насколько успешны были усилия властей по распространению просоветских настроений в казачьих сообществах и вовлечению казаков в единую армию «строителей социализма». В данном случае важно учитывать не только внешние итоги правительственных инициатив в отношении казачества (такие, например, как формирование казачьих кавалерийских дивизий), но и степень трансформаций коллективных настроений жителей колхозных станций Советского Союза, и в частности Юга России. Проще говоря, лучшим показателем

эффективности кампании «за советское казачество» может считаться произошедший в сознании казачества перелом в сторону поддержки советской власти и коммунистического (сталинского) режима. Рассмотрению таких социально-психологических аспектов результативности комплекса проказачьих мероприятий в СССР во второй половине 1930-х гг. и посвящена настоящая публикация, выполненная на материалах южно-российских регионов со значительной долей казачества в составе населения, – Дона, Кубани, Ставрополья и Терека.

Прежде всего надо сказать, что единой реакции донцов, кубанцев и терцев на кампанию «за советское казачество» не последовало. Представители перечисленных казачьих сообществ разделились в оценке данной кампании на два основных лагеря: тех, кто одобрял и поддерживал ее (и, соответственно, советскую власть), и тех, кто не собирался менять своего враждебного отношения к большевикам. Подобная двойственность восприятия представляла собой устойчивую тенденцию, сохранявшуюся вплоть до начала Великой Отечественной войны, когда психологическая готовность (или неготовность) поддержать советскую власть была доказана казачеством на деле.

Исторические источники позволяют с полной уверенностью утверждать, что большинство казаков были в полной мере удовлетворены публично выраженным намерением государства признать их полноправными членами «социалистического общества» и не скрывали своей искренней радости в связи с произошедшими изменениями. Так, первый секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В.М. Лукин подчеркивал в письме своему непосредственному начальнику, лидеру краевой организации компартии, Б.П. Шеболдаеву, что из его «личных наблюдений, бесед, выступлений ясно одно»: в связи с кампанией «за советское казачество» у казаков теперь «исключительно приподнятое настроение и [они] рассматривают это событие как крупнейший поворот в жизни казачества». Характерно настроение, «что казаков признала Советская власть», и это является нечто вроде «манифеста», что теперь стали полноправные казаки и т.д. Это настроение подавляющей массы казачества» [1].

Утверждение о позитивной настроенности казачества в отношении власти вполне справедливо, поскольку подтверждается массой других документов, ссылаться на которые в данном случае нет нужды. Добавим только, что в советской прессе в период осуществления кампании «за советское казачество» появилось великое множество благодарственных писем от простых донских (особенно северо-донских), кубанских и терских казаков и казачек, направленных в адрес краевого руководства, лидеров ВКП(б) и членов правительства СССР.

Так, 8 марта 1936 г. газета «Северо-Кавказский большевик» поместила коллективное письмо, адресованное лично И.В. Сталину и подписанное 365 «терскими казачками-матерями» Александрийско-Обиленского района Северо-Кавказского края. В письме казачки писали «вождю»: «Все эти дни мы охвачены невыразимой радостью и счастливым волнением от тех забот и внимания, какие проявляют партия, правительство и ты сам к нам – советским казакам и казачкам. Признаемся тебе, что долгое время стыдились мы этого имени, ставшего при кровавом царизме проклятым и заторным... Никто теперь нас не обманет, и никто нас не свернет с большевистского пути. Мы, казачки, вырастим родине и тебе, любимый Сталин, новое большевистское, казачье поколение. И в случае, если враг посмеет напасть на Советский Союз, мы вместе с нашими мужьями и сыновьями, мы, советские казачки, не щадя сил и жизни, пойдем на защиту родины» [2].

Это и другие подобные послания, конечно, рассчитывались на широкую публику и поэтому подвергались соответствующей редакции. Однако данное обстоятельство отнюдь не значит, что все эти письма неверно отражали настроения большинства казаков. В конце концов, многие казаки и в разговорах между собой, нередко вовсе не публичных, также выражали радость, вызванную кампанией «за советское казачество»; сведения об этом, например, содержались в докладной записке С.М. Буденного (бывшего тогда инспектором кавалерии РККА), направленной им И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову. Своей радости не скрывали даже целые партийные организации, например, Базковский райком ВКП(б).

Следует также привести наиболее характерные высказывания казаков (и не только молодежи, но и стариков) о кампании «за советское казачество», в частности, такие: «аж радостно, что правительство так хорошо пишет за казаков» (Гамов, 60-летний терский казак); «казакам сейчас живется хорошо, и им сейчас обижаться не на что. В случае войны они будут защищать Советскую власть, так как от другой власти им лучше не будет. Я слышал от многих казаков-стариков, они говорят, [что] хоть и обидела сначала Советская

власть казаков, но сейчас хочет их поставить наравне с другими красными партизанами и иногородними, и это, они говорят, правильно делает Советская власть» (переменник-казак Тарасов после читки газеты «Правда» о казаках среди переменников Табаксовхоза); «мы, молодые казаки Дона, будем самыми лучшими казаками для советской власти...» (казак из Донской сотни в группе казаков и граждан г. Ростова); «...казаки, которые сейчас за границей околачиваются, теперь скажут, что и [оставшиеся в Советской России] казаки против них. Ведь у нас теперь взгляды на жизнь разные: они – генеральские холуи, а мы – советские герои и стахановцы» (казак из Донской сотни) и т.д. [3]

На протяжении последующих лет казаки не уставали заверять советское руководство в своей преданности, даже если и выражали недовольство действиями отдельных представителей местной администрации или партийных организаций. Например, в марте 1938 г. казаки станицы Усть-Быстрианской, возмущенные самоуправством и нераспорядительностью местных властей, тем не менее ручались Е.Г. Евдокимову (занимавшему в то время пост первого секретаря Ростовского обкома Компартии), что полностью поддерживают советскую власть: «Станица Усть-Быстрианская – большая станица, и в ней, как и везде, процветает советский патриотизм, и всех, кто попытается сбить донских казаков с правильного пути, надо удалять и уничтожать. Казаки были и будут преданы советской власти и по первому зову маршала К.Е. Ворошилова выйдут все на защиту нашей прекрасной Родины» [4].

Наибольшее одобрение кампании «за советское казачество» выражала, естественно, казачья молодежь, развернувшая движение «ворошиловских кавалеристов». Молодые казаки, возмужавшие при советской власти, с большим оптимизмом, чем представители старшего поколения, относились к социально-экономическому и общественно-политическому устройству СССР. Например, кубанская трактористка Паша Ковардак убежденно говорила в декабре 1935 г. на совещании передовиков урожайности зерновых культур: «Мы живем в стране веселой, в стране той, которая открыла для нас путь трудящимся женщинам и все удовольствия» [5]. Поэтому демонстративно-уважительное отношение властей к казакам-колхозникам, казачьей молодежи пришлось особенно по душе.

Большевики хорошо понимали преобладающие настроения молодых донцов, кубанцев и терцев и делали ставку именно на казачью молодежь. Не случайно Б.П. Шеболдаев в статье «Казачество в колхозах» утверждал: «На перепаханной революцией земле [Дона и Кубани] выросли новые люди, которым незачем оглядываться назад. Их мысли и надежды – в будущем» [6]. В марте 1936 г. «писатель-орденоносец» Н.А. Островский в телефонной беседе с корреспондентом Азово-Черноморского отделения ТАСС передавал привет именно «молодому, советскому казачеству» [7].

В то же время определенная часть казаков Юга России высказывала более или менее серьезные сомнения в искренности мирных намерений правительства СССР. Все тот же секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б) В.М. Лукин писал Б.П. Шеболдаеву в самом начале развертывания кампании «за советское казачество»: «Имеется ряд казаков, в большей своей части пожилых, которые воздерживались от высказывания своих настроений – они заявляют, что эти события не иначе как связаны с ближайшей войной, что, видимо, казаки потребуются и проч.» [8]. Любопытно, что во время отправки казачьих сотен в Ростов, на межкраевую встречу донских, кубанских и терских казаков, в казачьих станицах ходили слухи о том, что «всех казаков, которые едут в Ростов, там посажают в тюрьму и вышлют» [9].

В докладной записке С.М. Буденного, в донесениях сотрудников и агентов НКВД сообщалось, что ряд казаков негативно оценивает кампанию «за советское казачество» и готовится в случае войны отомстить большевикам: «Казака Советскую власть защищать не заставишь, таких дураков не найдется. Казачество испытало Советскую власть на своей шкуре, и пусть только начнется заварушка, так сразу будет видно, с кем пойдет казачество»; «должна быть война с иностранцами, ... но как бы не получилась внутри СССР своя война»; «пусть пишут хоть сотню постановлений и приказов, ничего из этого не получится. Молодежь, мы знаем и без этого, что она за советскую власть, а на стариков эти приказы не действуют. Пусть только начнется война, мы знаем, кто пойдет с нами в лес, а оттуда мы им в тылу покажем...»; «ну ничего, пусть только начнется война, а она не горами, недаром стали

заигрывать с казаками, почувствовали, что пахнет порохом. Мы им покажем в тылу, не дожидаясь, когда кончится война на фронте» и т.д. [10]

Как свидетельствуют приведенные высказывания, казаки демонстрировали различную степень отрицания советской власти и ее мирных инициатив: одни лишь выражали недоверие (которое при определенных условиях могло исчезнуть и смениться доброжелательным отношением), другие же относились непримиримо враждебно. Невозможно утверждать, что численность антисоветски (или же только антибольшевистски) настроенных казаков могла быть высокой: такое предположение попросту невероятно, учитывая масштабы «раскулачивания» и репрессий периода сплошной форсированной коллективизации и последующей борьбы за организационно-хозяйственное укрепление колхозов на Юге России. Противники большевизма или же в целом советского устройства не составляли во второй половине 1930-х гг. большинства в донском, кубанском, терском казачьих сообществах.

Но они все-таки в станицах присутствовали. В 1938 г. в редакцию «Крестьянской газеты» писал некто Луганцев из колхоза им. 7 коммунаров Романовского района Ростовской области: «У нас много в станице таких, которые все еще ждут «своих» [11], (то есть ожидают вражеского вторжения и возвращения вместе с интервентами казаков-белоэмигрантов). Многие из антисоветски настроенных казаков не собирались пересматривать свое отношение к советской власти и сталинскому режиму, демонстрируя им свою враждебность и во время кампании «за советское казачество», и спустя годы после ее затухания, вплоть до начала Великой Отечественной войны. Как в первой, так и во второй половине 1930-х гг. антисоветские настроения в казачьей среде проявлялись то критическими высказываниями, то озвучиванием ожидания иностранной агрессии с непременно возвращением «наших».

В 1937 г., во время агитационной кампании в преддверии выборов в Верховный Совет СССР, казаки нередко критиковали советскую действительность. Так, по сообщениям сотрудников избирательной комиссии Неклиновского района Ростовской области, в казачьих колхозах Синявского сельсовета фиксировалось «много контрреволюционных выступлений» [12]. В 1939 г. казак Г.С. Титов, житель Изобильненского района Орджоникидзевского края (который, по сообщениям органов НКВД, в 1921 г. принимал участие в «контрреволюционном восстании», а в 1936 г. его судили за воровство), в присутствии нескольких колхозников критически отозвался о советской демократии: «Сейчас говорят, что выбирайте, кого желаете [в советы], а посмотришь, то получается не так, предлагают, чтобы мы голосовали за тех, которых [представители власти] сами выдвигают» [13]. В том же году терский казак В.П. Новиков (бывший белогвардеец, участник «контрреволюционного восстания» 1929 г., братьев которого расстреляли за антисоветскую деятельность) подвергся репрессиям за то, что позволял себе «антиколхозную агитацию», а во время советско-японского конфликта в районе озера Хасан заявил колхозникам: «В газетах пишут ложь, что в боях на Хасане погибло много японцев, но это клевета, правительство врет. На Дальнем Востоке армию разгромили, а затем (видимо, «а если там» – А.С.) не удержались, то здесь японцев держать некому. Япония – сильная страна: она воюет и побеждает и будет побеждать, и Советский Союз скоро погибнет». За это Новикова приговорили к 3 годам лишения свободы по ст. 58-10 ч. 1 УК, причем прокуратура считала такое наказание чрезмерно мягким и была намерена приложить усилия к его ужесточению [14].

Помимо антиколхозной и антисоветской агитации, во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. определенная часть южно-российского казачества высказывала надежды на будущую войну, которая, по их представлениям, должна была вернуть прежние, доколхозные порядки, более справедливые и привычные для них. В основном такие надежды высказывали казаки старших возрастов, которые не могли до конца смириться с утратой и своего собственного хозяйства, и права самостоятельно хозяйствовать на своей земле. Как говорил один из терских казаков в 1939 г., «надо войну, ибо жить нельзя, а то нас еще более закабалят» [15].

Надежды на интервентов как освободителей от колхозной системы и сталинского режима высказывали в это время многие казаки верхнедонских округов, во второй половине 1930-х гг. находившихся в административном подчинении Сталинградской области. Здесь уже четко говорилось о том, кого именно казаки видят в роли интервентов-освободителей:

«Скорей бы фашисты покончили с Испанией и взялись за СССР, освободили бы от ига», «хотя бы скорей Германия и Италия начали войну против СССР и разгромили его», «скоро будет война. Мы организуем здесь, в тылу, восстания, чтобы скорей свергнуть советскую власть» [16]. Если верить сотрудникам органов госбезопасности, в ряде случаев словами дело не ограничивалось. Так, по утверждениям органов НКВД Сталинградской области, в 1937 г. им удалось ликвидировать «контрреволюционную повстанческую организацию» в составе 300 человек, которая охватывала 16 казачьих районов области [17].

В конце 1938–1939 гг. в Орджоникидзевском и Краснодарском краях органами Наркомата внутренних дел была разгромлена «разветвленная к[онтр]/р[еволюционная] организация», действовавшая якобы с 1922 г. и планировавшая «насильственное свержение вооруженным путем Соввласти». По делу осудили 41 человека; многих приговорили к высшей мере наказания, другие получили длительные сроки заключения. Все эти люди названы в деле именно казаками, в том числе Д.А. Филимонов (казачий сотник, член Кубанской Рады), В.К. Серков (также член Кубанской Рады), С.Л. Згонников (писарь атаманского отдела) и т.д. [18] Возраст подавляющего большинства осужденных превышал 40 лет: то есть они, в отличие от молодых казаков, могли сравнить советское настоящее с дореволюционным прошлым, и часто это сравнение было не в пользу советской системы. В 1939 г. по тем же обвинениям – участие в контрреволюционной организации и подготовка к свержению советской власти – группу терских «белоказаков» (Василенко А., Брянцев П., Лагунов и др.) приговорили к разного рода наказаниям: четверых к смертной казни, остальных – к 10 годам лишения свободы [19].

При всех сомнениях в реальности этих «контрреволюционных повстанческих организаций» (которые, скорее всего, являлись плодом фантазии следователей, стремившихся состряпать обвинительные дела на недоброжелателей советской власти) очевидно, что ряд казаков был настроен весьма решительно и в случае войны действительно бы поддержал интервентов. В этом случае нам близко мнение А.И. Козлова о том, что даже в конце 1930-х гг. определенная часть казаков «питала негативные чувства к советской власти вследствие антиказачьей большевистской политики» [20].

К исходу 1930-х гг. ввиду обострившейся международной обстановки надежды на будущую войну среди казаков, не смирившихся с колхозной системой, превратились в почти твердую уверенность. Осенью 1939 г., во время германо-польской войны, в станице Каргинской Шелковского района Орджоникидзевского края, уже не таясь, радостно говорили: «Вот наши придут, а потом мы отомстим» [21]. В начале 1940 г. сотрудники Арзгирского райотдела НКВД Орджоникидзевского края докладывали, что здесь есть лица, которые «высказывают надежды на возвращение капиталистического строя с помощью интервенции» [22]. В том же году некоторые кубанские колхозники утверждали, что примут участие в восстании против большевиков, которое неминуемо вспыхнет в случае войны с Германией: «Пусть только дадут оружие, а там посмотрим, кого будем защищать»; «кого же я пойду защищать, тех, кто меня кулачил и хотел меня выслать, я пойду защищать? Пусть только дадут оружие нам в руки, и тогда мы уже посмотрим, кого нужно защищать. Вот посмотрите, когда [в случае войны] не будет восстания» [23].

Действительно, в начале 1940-х гг. до возвращения «наших» оставалось не так много времени. Но вернулись они в составе гитлеровских войск, и подавляющим большинством казаков Юга России воспринимались не как «освободители», а как пособники врага. Поэтому в период Великой Отечественной войны лишь относительно небольшая часть казаков перешла от слов к делу, поддержав нацистов. Основная же масса донцов, кубанцев и терцев выступила на защиту Родины от гитлеровской агрессии. Данное обстоятельство представляет собой наилучшее свидетельство в пользу того, что, хотя кампания «за советское казачество» и не вызвала положительных откликов у всех донцов, кубанцев и терцев, все же ее эффективность была весьма высока, а самым важным результатом стало распространение просоветских настроений среди казаков.

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО) Ф. 8. Оп. 1. Д. 344. Л. 59.
2. Северо-Кавказский большевик. 1936. 8 марта.

3. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы в 5-ти томах. 1927–1939. Т. 4. 1934–1936 / Отв. ред. Ю. Мошков. М., 2002. С. 724-725.
4. ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 60. Л. 164.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 156 Л. 195.
6. Шеболдаев Б.П. Казачество в колхозах // Колхозный путь. 1935. № 11. С. 7.
7. ЦДНИ РО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 335 в. Л. 39 об.
8. ЦДНИ РО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 344. Л. 58-61.
9. Трагедия советской деревни. Т. 4. С. 727.
10. Там же. С. 753.
11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 11. Д. 47. Л. 206.
12. ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12. Л. 368.
13. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 523. Л. 65.
14. ГАНИ СК Ф. 1. Оп. 1. Д. 512 Л. 38.
15. ГАНИ СК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 753. Л. 126.
16. Павлова Т.А. Отношение казачества Сталинградской области к войне с фашистской Германией и его поведение в условиях немецкой оккупации // Клио. 2004. № 4. С. 191.
17. Там же. С. 191.
18. ГАНИ СК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 512. Л. 66-72.
19. Там же. Л. 39.
20. Смольянинова С. О толковании отзвуков прошлого (беседа с А.И. Козловым) // Академия. Еженедельник науки и образования Юга России. 2008. № 10. С. 4.
21. ГАНИ СК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 754. Л. 24.
22. ГАНИ СК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 753. Л. 56.
23. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы / Пред. ред. коллегии А.А. Алексеева. Краснодар, 1997. С. 868-869.

Pro-Soviet Cossacks Campaign in the South of Russia: Expectations Retrospective Analysis

Alexander P. Skorik

South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute), Russia
Doctor of History, Doctor of Philosophy, Professor

Abstract. The article analyses the problem of the Southern Russia's Cossacks perception of the set of Pro-Cossacks policies, implemented by the Soviet government in the second half of 1930s, justifies author's opinion, concerning disunity of Cossacks' attitude towards Pro-Soviet Cossacks Campaign. Although the majority of the Cossacks supported and approved government initiatives, many of them preserved negative attitudes towards Soviet power and Stalin's regime.

Keywords: «Voroshilov's cavalrymen», the Cossacks, Pro-Soviet Cossacks Campaign, kolkhoz, Soviet Union.

UDC 947(470.6) 1930

